
Ань Но улыбнулся Бай Ичэню:

— Да все в порядке! Обычные внутренние терки. Людям вроде меня полезно на время залечь на дно, переждать бурю и убедиться, что за спиной не осталось «хвостов». В этот раз меня решили спрятать в Провинциальном управлении.

— В Провинциальном управлении? — Бай Ичэнь был не дурак и сразу понял, какие силы здесь задействованы, но вопросы возникли сами собой. — Разве там ты не будешь еще больше на виду?

— Ну... как тебе сказать, — Ань Но замялся, подбирая слова. — Чисто внешне — да, Провинциальное управление привлекает внимание. Но на деле в такое место никто не сунется. Там охрана серьезнее, так что в плане безопасности это идеальный вариант.

— А, значит, затаиться... — Бай Ичэнь склонил голову набок. — Ну а потом? Что будет потом?

Он на удивление легко принял это объяснение. Ань Но облегченно выдохнул и, немного помолчав, серьезно произнес:

— Сяо Бай, я хочу кое-что спросить. Ответь мне честно.

— Спрашивай! — отозвался тот без тени сомнения.

«Будто я когда-то тебе врал, — пронеслось в голове у Бая. — Из нас двоих это ты мастер заливать!»

Несмотря на эти едкие мысли, при одном взгляде на Ань Но, который едва пришел в себя за этот год, Ичэнь почувствовал болезненный укол. Он всегда считал, что это ему живется паршиво, но теперь понял: его беды хотя бы имели смысл. У него была цель, он знал, ради чего терпит. А слушая рассказы Цинь Сяо и Мо Ханя о жизни Ань Но последние полгода, Бай Ичэнь осознал — вот где был настоящий ад. Жизнь без будущего, без надежды, в вечном тумане и под постоянным прицелом. Глядя на бледного Ань Но, который только-только начал напоминать человека, Ичэнь решил: «Ладно уж, неси что хочешь. Я не стану с тобой спорить».

— Тебе ведь скоро ехать в Университет Н, учиться четыре года...

— Эм... Старший брат Ань! — застенчиво перебил его Бай Ичэнь. — На архитектурном учатся пять лет.

— Хорошо, пять.

— И еще... — Бай Ичэнь снова вставил слово. — Я поступил на программу «бакалавриат плюс магистратура», так что... в общем, семь лет.

Ань Но закатил глаза. На миг его охватила глухая тоска: «Насколько же этот парень сообразительный! Архитектура в Университете Н входит в тройку лучших по стране, да еще и непрерывное обучение... Это ж просто погибель моя! С его-то мозгами он меня до конца дней вокруг пальца обводить будет».

— Ну? О чем ты хотел спросить? — Бай Ичэнь подождал, но Ань Но застыл с глуповатым выражением лица.

Минутное напряжение улетучилось, уступив место тревоге: не задело ли парню голову при взрыве?

— А, да... В общем, я хотел узнать... тебе... — Ань Но резко сменил тему, и его вопрос прозвучал настолько нелепо, что любой здравомыслящий человек заподозрил бы неладное. — Тебе не нужно показаться психологу?

Бай Ичэнь окончательно убедился, что у Ань Но травма мозга.

— Зачем это?

— Ну, помнишь Чжоу Сюя? Хирург из приемного, что зашивал тебе спину. Он еще тогда сказал, что тебе нужна консультация... Ну, из-за того случая с Толстяком... Боялся, что у тебя останется психологическая травма.

— С чего... с чего ты вдруг об этом? — Бай Ичэнь от смущения едва не прикусил язык.

Они никогда не обсуждали это в деталях, но ведь всё уже давно было доказано делом. Какие еще «травмы» после того, что между ними произошло? Вопрос Ань Но больше походил на изощренное издевательство. Но хуже всего было то, что Баю такая «пытка» нравилась, хотя он не мог связать и двух слов.

— Старший брат Ань... Тот толстяк... Мы ведь уже... — Ичэнь набрался храбрости, но понял, что его кожа всё же тоньше, чем у этого прохиндея.

— Ну, Толстяк — это ладно. А потом? Линь Нань? Помню, когда ты спускался ко мне с верхнего этажа... твоя одежда... — Ань Но внезапно помрачнел. Внутри него снова вспыхнуло пламя, грозящее выжечь всё на своем пути.

— Старший брат Ань, со мной правда всё в порядке, — прошептал Бай Ичэнь и, собрав волю в кулак, быстро чмокнул его в губы.

— Вот как, — Ань Но вдруг улыбнулся.

Он пришел в себя. Новость, которую принес Мо Хань, заставляла его колебаться и мучиться сомнениями, но теперь всё это прахом рассыпалось по ветру. Он принял решение. Это решение касалось всей его жизни и, разумеется, будущего Бай Ичэня. Но Ань Но рассудил, что Сяо Баю знать об этом не обязательно — парень и так достаточно натерпелся, чтобы еще и о завтрашнем дне переживать.

— Ну, тогда этот вопрос закрыт! — Ань Но мгновенно сменил маску.

Теперь он смотрел на Бая с самой что ни на есть похабной ухмылкой, а он недвусмысленно скользил взглядом «ниже ватерлинии». Вид у него был такой бандитский, что в любой камере его бы за это сразу же приложили кулаком.

— Если у тебя и правда нет никаких «травм», то что же мне делать? — протянул он вкрадчиво.
— Мне ведь всего двадцать с хвостиком, я еще не в том возрасте, чтобы обет безбрачия давать.

Бай Ичэнь во все глаза смотрел на этого наглеца. В памяти всплыло, как несколько месяцев назад в «Пылающем искушении» Ань Но с точно таким же видом предлагал найти ему «клиентов». «Такие, как ты, сейчас в цене», — говорил он тогда. Обещал подобрать кого-нибудь «без странностей»... В тот раз Ичэнь чуть не умер от ужаса и отвращения. А теперь? Глядя на этого «мерзавца», у которого разве что слюни не текли, он чувствовал лишь нежность и... жгучий стыд.

«Неужели у меня стокгольмский синдром?»

— Старший брат... Ань? — Бай Ичэнь, сидя на краю кровати, чувствовал себя как на иголках. Он отчаянно пытался перевести разговор на что-то другое. — Что ты хочешь на ужин?

Было уже около шести. Зимой темнеет рано, и за окном стояла непроглядная темень. Последние две недели Бай Ичэнь не отходил от койки ни на шаг. Поскольку Ань Но считался «героем борьбы с наркотиками», отношение к нему было соответствующее. В провинциальной больнице, где койко-место ценится дороже бриллиантов, ему умудрились выделить «люкс» для руководства. Всё необходимое под рукой: кухня, санузел, гостиная и спальня с дополнительной кроватью для сопровождающего.

За это время Бай Ичэнь обжил палату как собственный дом: забил холодильник продуктами, а из кухни постоянно доносились аппетитные запахи. За полмесяца Ань Но умудрился набрать килограммов пять, а Цинь Сяо, как только научился вставать, каждый день примикивал к ним на инвалидном кресле — подкормиться. Ичэнь был бы рад видеть здесь и Чжэн Жуя. Он искренне считал того хорошим человеком, которому просто не повезло, и чувствовал перед

ним какую-то неясную вину — ведь именно из-за Ань Но всё так обернулось. Ань Но лишь качал головой на эти странные порывы, позволяя парню дважды в день слать Чжэну приглашения. Тот, впрочем, ни разу не пришел. Зато Чжоу Сюй заглядывал регулярно: приносил пустой термос и уносил в нем порцию домашнего супа, стойко снося все подколки Ань Но.

Много позже Чжэн Жуй как-то обмолвился, что супы Бай Ичэня были бесподобны, и только тогда Ань Но понял, в чей желудок на самом деле уходили те гостинцы.

Сейчас же Бай Ичэнь из последних сил цеплялся за тему «трапезы», но у Ань Но были другие планы. Изначально он просто хотел, чтобы парень перестал расспрашивать о переводе в Провинциальное управление, но теперь азарт взял свое.

Он всегда знал, что Бай Ичэнь красив. Не той изнеженной, хрупкой красотой, а живой и дерзкой. Ичэнь был похож на молодой бамбук после дождя или на юную сосну, гнущуюся под ветром, — свежий, стойкий и яркий. Больше всего Ань Но любил его глаза: в них всегда плясали искры, которые заставляли сердце биться чаще.

Но только сейчас Ань Но осознал — красивее всего Бай Ичэнь становится, когда смущается. Теперь между ними не осталось лжи и преград, а в каждом взгляде читалась такая любовь, что можно было ослепнуть. Чувство вины ушло, оставив лишь кристальную ясность. Ичэнь часто краснел под этим прямым, обжигающим взглядом, а Ань Но с удовольствием наблюдал, как его «маленький волк» начинает путаться в собственных руках и ногах.

Вот и сейчас: Бай Ичэнь залился краской, глаза заблестели, а пальцы нервно сцепились в замок. В голове Ань Но внезапно созрела идея «кое-что предпринять».

— Бай Ичэнь? — Ань Но припомнил, закрыл ли Мо Хань за собой дверь. Точно, закрыл. — Не уходи от ответа.

— К-кто... кто это уходит? — «Заикание-версия 2.0» снова вернулась в репертуар.

— Да? Тогда скажи мне... — Ань Но по-хозяйски накрыл руку Ичэня своей ладонью и многозначительно погладил большим пальцем тыльную сторону кисти. — У тебя правда нет травмы? Тебе не будет... неприятно, если я тебя коснусь?

— Н-нет... — Язык у Ичэня окончательно одеревенел.

Хуже всего было то, что Ань Но посмотрел на него бездонными черными глазами, затягивая его без остатка.

— О, значит... когда я тебя трогаю, тебе приятно? — Ань Но улыбнулся с видом триумфатора.

— Нет, я не то имел в виду! — всполошился Ичэнь, понимая, что угодил в ловушку: что ни скажи — всё против него.

— А что же тогда? — Теплая ладонь скользнула выше, по предплечью, нежно сминая тонкую кожу на плече.

— Я... — Бай Ичэнь решил замолчать. Разговор явно зашел в тупик.

— А давай... — Ань Но мягко обхватил лицо Ичэня, проведя большим пальцем по его губам. Те были такими мягкими, что удержаться от поцелуя стало выше человеческих сил. — Давай проверим?

Последние слова Ань Но растворились в долгом, томительном поцелуе.

Если пламя в ночи раздуто, его уже не погасить.

Стоило Ань Но коснуться губ Ичэня, как самоконтроль помахал ему ручкой. Впрочем, зачем сейчас контроль? В эту ночь они были в самом безопасном месте на свете. Они любили друг друга, доверяли свои жизни друг другу и больше не имели тайн.

Ань Но потянул Бая на кровать. «Люкс» оправдывал свое название хотя бы тем, что на широкой двуспальной кровати места хватало обоим. В полузабытьи Бай Ичэнь лихорадочно вспоминал: нельзя трогать плечи, нельзя задевать правую руку, грудь и живот тоже под запретом...

У этого человека живого места на теле не было! И всё же Ичэнь до боли хотел прижаться к нему, врасти в его объятия. Жажда обладания нахлынула на него еще в тот день, когда Мо Хань официально произнес: «Ань Но, заместитель капитана группы уголовного розыска управления общественной безопасности города Синьань, инспектор полиции второго класса. Находился под прикрытием». С той самой секунды Бай Ичэнь мечтал лишь об одном — обнять его.

Да, узнав правду, он не почувствовал ни капли гнева. У него не возникло дурацких мыслей в духе «почему он мне не сказал» или «он мне не доверял». Он прекрасно понимал: здесь дело не в доверии. Это вопрос долга, дисциплины, верности, жизни и смерти. Личные чувства отступают, когда на кону стоит нечто большее. Поэтому Ичэнь не чувствовал обиды — только безграничную жалость и нежность.

Он и представить не мог, что всё так обернется. Небеса оказались милостивы. Ичэнь ведь уже приготовился к очередному удару судьбы. Он планировал свои будущие годы так: учеба, подработки, диплом, а затем — возвращение в город, где за высокой стеной тюрьмы сидит Ань Но. Он собирался найти маленькую мастерскую и просто ждать. День за днем.

Он спрашивал себя тогда: стоит ли оно того?

Ответа не было. Он не знал, как измерить эту «цену». Преступник, почти случайный знакомый, всего полгода общения, наполненного болью и мраком... Но среди этого хаоса один его поцелуй заставлял Ичэня чувствовать себя самым счастливым человеком на свете. Словно все прошлые страдания были лишь подготовкой к этому мигу.

Какая магия была в этом человеке? Бай Ичэнь долго думал об этом, но так и не нашел объяснения. Может, дело в запахе, может — в ощущении покоя рядом с ним. В огромном океане людей он встретил его, полюбил — и пути назад не стало. Какая бы дорога ни ждала впереди, он пойдет по ней только вместе с ним.

И когда он увидел этого «сбившегося с пути» мужчину на втором этаже виллы — окровавленного, изрешеченного пулями, но всё еще готового на смерть ради него... Когда увидел, как тот, подобно орлу, бросается на врага, закрывая его своей широкой спиной...

В ту секунду Бай Ичэнь понял: этот человек — его защитник. Его бог. И это навсегда.

Ичэнь никогда не спрашивал Ань Но, «стоит ли оно того». Это вопрос без ответа. У каждого своя мера. Если твое сердце говорит «да», значит, всё остальное не имеет значения.

Бай Ичэнь крепко обхватил Ань Но за шею, впитывая его жар и чувствуя, как их сердца бьются в унисон. В палате было слышно, как в коридоре шаркают чьи-то ноги, а приборы у кровати монотонно пищали, но даже это не могло разрушить кокон счастья и тепла. Им было так же уютно, как в маленькой двухкомнатной квартирке Ань Но. Наверное, в этом и заключается настоящая жизнь.

«Где ты — там мой дом», — подумал Ичэнь.

— Ань... — прошептал он.

— Бай Ичэнь, — Ань Но лукаво прищурился, и его пальцы снова пустились в пляс. — Скажи... тебе приятно?

Вот же мерзавец!

Бай Ичэнь всем сердцем возненавидел этот вопрос. Если бы, ну просто если бы он не терял голову, если бы руки и ноги не стали ватными, а его «Сяо Сяочэнь» не вел бы себя так вызывающе... он бы обязательно строго отчитал Ань Но за такие двусмысленности!

Но сейчас он был не в силах сопротивляться. Борьба и жажда, сдержанность и искушение — всё смешалось. Ичэнь зажмурился, и в темноте он увидел мириады золотых искр.

Вид окончательно потерявшего голову Бая разжег в Ань Но настоящий пожар. Казалось, никакая боль от ран не способна заглушить этот внутренний огонь. Он хотел обладать им, окунуться в него, словно в горячий источник посреди лютой зимы.

— Старший брат Ань, я... — Бай Ичэнь потянул ворот больничной рубашки Ань Но в стороны, обнажая белые пласты марли. Рассудок на миг вернулся к нему. Перед ним был человек, буквально собранный по кусочкам. — Ань... твои раны.

— Плевать! — Ань Но со смехом притянул его к себе.

Изголовье кровати было поднято, и Ань Но, полусидя, устроил Ичэня у себя на коленях.

— Чэнь, — произнес он с невыразимой нежностью. — Всё хорошо. Иди ко мне, помоги мне немного.

Яркий свет ламп заливал палату, рисуя на теле Ичэня причудливые тени, подчеркивая каждую линию. Этот танец света и тени казался Ань Но самым прекрасным и таинственным зрелищем на свете.

Рубашка Ань Но была распахнута, повсюду белели бинты, но это лишь сильнее возбуждало Бая. Изувеченный, но всё такой же дерзкий и насмешливый Ань Но казался ему воплощением мужества. Герой. Его личный герой, его опора и защита.

Бай Ичэнь смотрел на него почти с благоговением. Ань Но нетерпеливо дернул его на себя, и Ичэнь, не удержавшись, задел его плечо. Тут же вскинулся, перепуганный до смерти:

— Что?! Больно?! Старший брат Ань, сильно болит? — В его голосе было столько муки, будто ранили его самого.

— Болит... — выдохнул Ань Но, снова прижимая его к груди. — Но обнимать тебя... хочется сильнее.

Бай Ичэнь коснулся кожей холодноватой марли повязок, но за ней чувствовался обжигающий жар — жар жизни Ань Но, его страсть и нежность. Он больше не решался прятать лицо у него на шее, а просто закрыл глаза и подставил губы под поцелуй, отдавая себя без остатка.

— Мой хороший... — Поцелуй был легким, полным не покровительства, но глубокой, осознанной любви.

Бай Ичэнь перестал бороться. Он растворился в этом сиянии, забыв о прошлых кошмарах, о страхах перед будущим. Остались только они двое.

Когда буря утихла и Бай Ичэнь в изнеможении прильнул к груди Ань Но, он окончательно забыл, о чем хотел спросить в самом начале.

Да и зачем спрашивать? Разве не так всё и должно быть — просто и правильно?

Двое вместе. Такое короткое слово, такая огромная радость. Без лжи, без преград, в полном доверии. Они отдали друг другу самое сокровенное, самое хрупкое, что у них было — свои души. Потому что знали: другой будет беречь их сильнее, чем свои собственные. И в этом тепле, в этом покое они проведут остаток своих дней.

<http://bllate.org/book/18167/1793237>